

УДК 908:37.018.523 “18” (477.75)

Громова Наталья Фёдоровна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Таврической академии

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: gronafed@yandex.ru

СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В статье освещена история создания сельских школ в ходе реализации в Таврической губернии «Положений о начальных народных училищах 1864 года. На основе систематизации и обобщения исторических фактов, зафиксированных в архивных материалах и опубликованных законодательных документах, автором проанализирован важный этап в истории сельских школ Таврической губернии, связанный с началом претворения в жизнь «Положений». На конкретных примерах рассмотрено участие в этом процессе управленческих и контролирующих структур, органов местного самоуправления, сельских обществ; выявлены особенности организации учебной работы сельских учебных заведений во второй половине 60-х и в 70-е годы XIX века. Показана роль уездных училищных советов, сельских обществ, инспекторов народных училищ в расширении сети сельских школ в уездах Крыма и Северной Таврии; рассмотрено влияние на этот процесс социально-экономических факторов, в том числе фактора, связанного с усилением в 60-е годы переселенческого движения в Таврическую губернию; показаны недостатки и негативные стороны организации в сельских школах учебного процесса и попытки их устранения. В статье нашли отражение статистические данные о динамике и тенденциях развития сельских школ Таврической губернии, их количестве, численности учащихся и учителей.

Опыт создания сельских школ, накопленный в Таврической губернии за полтора десятка пореформенных лет, дал возможность развернуть в последней четверти XIX века масштабную работу в этом направлении на более высоком уровне и более быстрыми темпами.

Ключевые слова: *уездные училищные советы, начальные народные школы, инспекторы училищ, учебный процесс.*

Natalya F. Gromova

PhD in Historical sciences,
Associate Professor of the Department of Russian History,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

THE RURAL SCHOOLS OF THE TAURIDA GOVERNORATE AT THE INITIAL STAGE OF EDUCATIONAL REFORM OF 60s OF XIX CENTURY

Abstract. *The article highlights the history of the creation of rural schools during the implementation of the Provisions on Primary Public Schools of 1864 in the Taurida governorate (province). On the basis of systematization and generalization of historical facts recorded in archival materials and published legislative documents, the author analyzed an important stage in the history of rural schools in the Tauride province, related to the beginning of the implementation of the “Provisions”. With concrete examples, the participation in this process of management and control structures, local governments, and rural societies has been considered; the features of the organization of educational work of rural educational institutions in the second half of the 60s and in the 70s of the XIX century are revealed. The role of county school councils, rural societies, inspectors of public schools in expanding the network of rural schools in the counties of Crimea and Northern Tauria is shown; the impact on this process of socio-economic factors, including the factor associated with the intensification of the migration movement in the Tauride province in the 1960s; It shows the shortcomings and negative aspects of the organization in rural schools of the educational process and attempts to eliminate them. The article reflects statistical data on the dynamics and trends in the development of rural schools in the Taurida province, their number, number of students and teachers.*

The experience of creating rural schools, accumulated in the Taurida province for a half dozen post-reform years, made it possible in the last quarter of the 19th century to start large-scale work in this direction at a higher level and at a faster pace.

Key words: county school councils, elementary public schools, school inspectors, educational process.

Для цитирования:

Громова, Н. Ф. Сельские школы Таврической губернии на начальном этапе образовательной реформы 60-х годов XIX века // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 94–107.

История сельских школ в России берёт своё начало в первой половине XIX века, когда за два с половиной десятилетия, предшествовавших буржуазно-демократическим реформам 60-х гг., российскими властями было разрешено всем министерствам, заинтересованным в появлении грамотных людей в волостях и селах, открывать учебные заведения [2, д. 851, л. 31]. Этим правом

воспользовалось прежде всего Министерство государственных имуществ [3, с. 346]. Поставив целью подготовить из крестьянской среды для нужд своего ведомства специалистов не только высших, но и низших квалификаций (в основном писарей), это министерство явилось зачинателем в деле создания первых сельских школ в Российской империи, в том числе в Таврической губернии, где значительная масса населения, особенно материковых уездов (Мелитопольского, Бердянского, Днепровского) состояла из переселившихся из других регионов страны государственных крестьян [10, с. 27]. К началу 60-х годов XIX века количество школ, открытых Министерством госимуществ в селах Таврической губернии, достигало 45 и в них числилось 3 053 учащихся [2, д. 1024, л. 54–79]. Однако, взявшись за несвойственный своему ведомству педагогический вид деятельности, Министерство госимуществ, несмотря на приложенные усилия и вложенные средства, не смогло достичь желаемых результатов и организовать в селах Таврической губернии достаточную сеть образовательных заведений. Школы этого министерства испытывали финансовые и материальные затруднения, страдали от непрофессионализма учителей, от негативного отношения к ним крестьян [подр. см.: 4, с. 48–62].

В это же время Министерство народного просвещения, призванное заниматься непосредственно образовательными проблемами в стране, обходило сельские школы стороной, направляя свои усилия и средства на создание городских средних и начальных учебных заведений – гимназий, уездных и приходских училищ. В отношении же сельских школ интересы Министерства просвещения в первой половине XIX века ограничивались сбором общих сведений об их количестве и уровне организации в них учебного процесса.

Так продолжалось до начала «великих реформ», когда в середине 60-х годов сферу народного образования затронули активные преобразования. Проследить события, связанные с претворением в жизнь образовательной реформы, в частности по организации обучения сельского населения, интересно на примере Таврической губернии. Главным источником информации являются материалы Госархива Республики Крым (Фонд Дирекции училищ Таврической губернии), которые позволяют составить всестороннее представление об особенностях, тенденциях, темпах и масштабах процесса, о влиянии на них экономических и социальных факторов, о роли и вкладе в него местных и центральных органов власти, земства, сельских обществ. Здесь мы рассмотрим начальный этап образовательной реформы, когда в сёлах Таврической губернии осуществлялись преобразования в соответствии с положениями 1864 года о создании уездных училищных советов и начальных народных училищ, то есть период с конца 60-х до конца 70-х годов XIX века.

«Положения о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 года и их воплощение в жизнь в Таврической губернии

После отмены крепостного права в 1861 году одним из неотложных дел явилась реформа народного образования. Особенно остро стоял вопрос об организации начального обучения для большей части населения страны — крестьян. Российские власти понимали, что заниматься учебными проблемами должны профессионалы и поручили подготовку проекта школьной реформы Министерству народного просвещения во главе с министром А. В. Головниным [9, с. 389]. В течение нескольких лет два комитета — Ученый и Особый — разрабатывали проект о народной школе, который сначала был рассмотрен в Особом Совещении, затем 14 июля 1864 г. одобрен Государственным Советом и, наконец, утверждён императором Александром II под как «Положения о начальных народных училищах» [7, с. 614–617].

С этого момента в структуре российской государственной образовательной системы появилась новая самая нижняя ступень школы, которая была закреплена в ведении Министерства народного просвещения и называлась «начальные народные училища». В эту категорию согласно ст. 2 Положений были включены школы разных ведомств (в том числе Министерства госимуществ), а также элементарные школы при православных церквях, воскресные, частные. В основном это были школы, размещённые в сельской местности, которых ранее у Министерства просвещения не было. В результате число подчинённых Министерству просвещения начальных учебных заведений увеличилось с 692 (в 1863 г.) до 17 678 (в 1869 г.) [5, с. 130–131]. Чтобы наладить управление этой новой категорией народных школ, в губерниях и уездах учреждались (согласно ст. 18) специальные органы из представителей заинтересованных ведомств — Училищные советы. Новые народные школы в селах могли открывать сельские общества за средства, собранные с крестьян, а забота об их хозяйственных нуждах предоставлялась нарождающимся в это же время земствам. Контроль за осуществлением учебно-воспитательной работы в народных сельских школах Министерство просвещения поручало своим представительствам в губерниях — Дирекциям училищ, а с 1869 года учреждало дополнительно для этой цели должность инспектора народных училищ [6, с. 636–637].

Претворение в жизнь «Положений» 1864 года в Таврической губернии началось с создания училищных советов. Эта работа заняла несколько лет и завершилась к началу 70-х годов, когда были окончательно сформированы губернский и 8 уездных училищных советов: Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский, Ялтинский, Бердянский, Днепровский, Мелитопольский. В состав каждого входило 8 членов, в том

числе от Министерства просвещения (обычно смотритель уездного училища), Министерства внутренних дел (чаще всего начальник уездной полиции), от местного духовенства, уездного земства, городских и сельских обществ. Всего в составе училищных советов Таврической губернии числились 66 человек: 9 председателей, 15 членов от Министерства просвещения, 9 — от духовенства, 8 — от Министерства внутренних дел, 18 — от земств, 7 — от сельских и городских обществ [2, д. 1947, л. 178–179]. В руках уездных училищных советов было сосредоточено, главным образом, административное управление народными школами.

С целью упорядочения контроля и наблюдения за организацией учебно-воспитательной работы и качеством обучения в народных сельских школах Таврическая губерния была разделена на 4 учебных района: Крымский (Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Ялтинский уезды), Днепровско-Перекопский (Днепровский, Перекопский уезды), Мелитопольский (Мелитопольский уезд), Бердянский (Бердянский уезд). За каждым учебным районом был закреплён инспектор народных училищ: за Крымским — Д. Писаревский; за Днепровско-Перекопским — П. Синимский, за Бердянским — И. Соловьевич, за Мелитопольским — В. Мартынович [2, д. 1932, л. 14, 224, 148; д. 1975, л. 86]. Инспекторы были обязаны регулярно объезжать сельские школы в своём районе, знать об их проблемах, посещать занятия и, если возникала потребность, самим проводить показательные уроки, давая пример сельским учителям. На основании отчётов об инспекционных посещениях сельских школ Дирекция училищ составляла годовые отчёты о состоянии народного образования в губернии для Одесского учебного округа и Министерства просвещения.

К работе по организации народных школ в сёлах Таврической губернии со второй половины 60-х гг. подключились и земства, создававшиеся в соответствии с Положением о земских учреждениях 1864 года [11, с. 46]. Первым шагом в этом направлении было уточнение земствами списков существовавших сельских школ. Картина при этом открывалась неутешительная. Бердянское земство, например, выявило, что для 150-тысячного населения уезда в середине 60-х гг. работали только 13 сельских школ Министерства госимущества, в которых по спискам значилось 754 учащихся, а фактически посещали каждую школу 5–7 детей [2, д. 2047, л. 10–12]. Было принято решение помочь сельским обществам Бердянского уезда открыть в течение 2–3 лет 30 новых школ, приняв их содержание на средства земства. Подобным образом действовали земства и в других уездах Таврической губернии.

Влияние социально-экономических факторов на процесс создания сельских школ

Создание в сёлах Таврической губернии народных школ оказалось, вопреки ожиданиям земств, очень непростым и совсем не быстрым делом. На его темпы оказало влияние значительное усиление в 60-е годы переселенческого движения на юг из центральных губерний страны. В это время российское правительство всячески пыталось привлечь крестьян-переселенцев из малоземельных губерний, стремясь побыстрее заселить ими земли, оставленные после Крымской войны эмигрировавшими в Турцию татарами и ногайцами. В ходе эмиграции только за 1860–1866 гг. в Таврической губернии опустело 686 селений. В одном Перекопском уезде татары оставили 278 своих аулов и деревень, в Евпаторийском — 196, Симферопольском — 146, Феодосийском — 67 [10, с. 32]. Поэтому крестьянам-переселенцам было разрешено не только занимать выделенные для этой цели свободные казённые участки, но и приписываться к уже существующим сельским общинам. В результате за 60-е – 70-е годы в Таврическую губернию переселилось около 156 тыс. человек (из них официально — 51,5 тыс., самовольно — 104,5 тыс.). В подавляющем большинстве (как минимум 2/3) это были крестьяне [1, с. 114, 204].

Крестьянская миграция оказала влияние не только на увеличение численности православного населения Таврической губернии, но и привела к расширению старых и появлению новых сёл. За 20 пореформенных лет на территории Таврической губернии возникло более 2 тыс. новых населённых пунктов, большинство из которых находилось в материковых уездах — Мелитопольском, Бердянском, Днепровском [1, с. 123]. В Крыму также появились новые сёла, например, в Симферопольском уезде — Новожиловка, Вишенное, Лобаново, Александровка, Полтавка, Виноградово, Воробьёво, Крайнее; в Феодосийском уезде — Ровное, Митрофановка, Ахтырка, Владимировка; в Евпаторийском уезде — Александровка, Михайловка, Болатни и др. [1, с. 128, 123].

Состояние сёл было не одинаковым, а зависело от места их нахождения, времени основания и категории крестьян-переселенцев. В Крыму, например, поселения русскоязычного населения были небольшими, компактными; многие русские крестьяне заселяли пустующие татарские сёла. Селения в материковых уездах, основанные ещё в первой половине XIX века, наоборот, были большими и густонаселёнными, в них нередко проживало до 8–10 тыс. человек, они часто растягивались на 5–7 верст, а в Бердянском уезде некоторые слободы — на 10–15 верст [2, д. 1946, л. 50–51]. Крестьяне в таких сёлах за несколько десятилетий проживания в губернии успевали построить дом и обустроить своё хозяйство.

Новые же села, основанные официально прибывшими в губернию в 60–70-х гг. крестьянами, были, чаще всего, лишь в стадии заселения, многие сёла не имели даже названия. Полученных крестьянами-переселенцами из государственной казны денежных пособий (в начале 60-х гг. — 100 руб., с 1863 года — вдвое меньше) не хватало ни на хозяйственное обзаведение, ни на постройку дома. Многие крестьяне в таких сёлах по нескольку лет вынуждены были жить в землянках. Например, в селе Павловка Днепроовского уезда, основанного в середине 60-х годов 264 переселенцами-одnodворцами, к 1870 году было построено лишь 5 домов [1, с. 104].

В наихудшем положении находились поселения самовольных переселенцев, не получавших от государства ни земельных участков, ни денежных пособий. Эти села состояли обычно из одних землянок.

К жилищной необустроенности жителей многих сел добавлялись трудности освоения твёрдых целинных земель в Мелитопольском, Бердянском, Днепроовском уездах, незнание особенностей местного полеводства, безводье крымских северных территорий, засухи и прочие невзгоды. Из-за всего этого многие крестьяне терпели значительные убытки и, чтобы выжить, им приходилось во всём экономить, сокращать свои расходы, в том числе и на школьное строительство.

Кроме этих проблем надо учитывать и то обстоятельство, что крестьяне, за редким исключением, были неграмотными, многие вообще не знали, что такое школа, её значения и необходимости. Поэтому идею открывать школы за свой счёт многие селяне восприняли весьма негативно [2, д. 1816, л. 66]. Представителям уездных училищных советов и земств приходилось прилагать массу усилий, чтобы убедить крестьянские общества в целесообразности отчисления средств на открытие школы в селе [2, д. 1816, л. 280]. Такое отношение к школам было характерным явлением в крестьянской среде вплоть до середины 70-х годов XIX века.

Возникавшие трудности в селах Таврической губернии тормозили намеченную государством программу школьных преобразований. В 60-е годы сеть сельских школ расширялась медленно. Сперва в нее были включены старые школы, созданные ещё Министерством госимуществ (их в 1864 году было порядка 45), школы при сельских православных церквях (точный учёт таких школ до 80-х гг. не вёлся, но их было совсем немного), а также частные, созданные для крестьян и содержавшиеся в ряде сёл состоятельными жителями. До начала 60-х годов таких школ в губернии насчитывалось около 24 [2, д. 839, л. 81]. Так, в Днепроовском уезде было 5 частных школ, в том числе в селе Заводовке, где ещё в 1852 году школу открыла для своих крестьян графиня Кочубей. В селе Большой Токмак Бердянского уезда школу содержала

мещанка Субботина. В сёлах Мелитопольского уезда насчитывалось 5 частных школ [2, д. 878, л. 125–126].

Кроме старых школ в сёлах начали создаваться и новые, открывавшиеся, как того требовали Положения 1864 г., сельскими обществами при содействии земств, по разрешению училищных советов. К 1869 году в сёлах Бердянского уезда, например, было открыто 19 новых школ [2, д. 2047, л. 22]. В сёлах близ Керчи — 8 школ, в том числе капканская, булганакская, осовинская, баксинская, аджи-мушкайская, кетерлежская [2, д. 1682, л. 112]. Всего же в начале 70-х годов в сёлах губернии насчитывалось уже около 120 начальных народных школ: в Днепровском уезде — 25, Мелитопольском — не менее 40, Бердянском — 32, Феодосийском — 13, Евпаторийском — 4, Симферопольском — 3, Перекопском — 2 [2, д. 1530, л. 14,27; д. 1382, л. 4; д. 1682, л. 101].

По сравнению с дореформенным десятилетием общее число сельских школ в губернии увеличилось более чем в 1,5 раза, но этого было очень мало на почти полумиллионное население губернии. Даже многие большие селения не имели школ. Так, остро стоял вопрос о создании школ в сёлах Карагозы и Султановка Феодосийского уезда, Курцы Симферопольского уезда [2, д. 1975, л. 121]. В Перекопском уезде работало всего 2 начальные народные школы в сёлах Ак-Шейх и Ташлы-Кипчак [2, д. 1816, л. 331]. В таких условиях сельские общества, открыв у себя школу, начинали ревностно следить, чтобы там учились только местные дети, посторонние же зачислялись лишь в исключительных случаях [2, д. 1975, л. 87].

Недостатки в организации работы сельских начальных народных школ

Согласно Положениям 1864 года все сельские школы, состоявшие в управлении училищных советов, должны были соответствовать единым нормам: один класс, рассчитанный на 3 года обучения, 1 учитель гражданских предметов, 1 законоучитель, одинаковый набор учебных предметов (Закон Божий, гражданское и церковно-славянское чтение, письмо, арифметика, церковное пение). Обучение мальчиков и девочек предполагалось совместное (хотя допускались и отдельные школы, как, например, в двух сёлах Днепровского уезда — Збурьевке и Новой Маячке [2, д. 1903, л. 36]). Вероисповедание и социальное положение при приёме детей в школу роли не играли.

Однако, в течение первого десятилетия после начала образовательной реформы лишь незначительная часть сельских школ соответствовала понятию «школа». Среди лучших было несколько частных, как, например, школа в селе Ташлы-Кипчак Перекопского уезда, находившаяся на содержании землевладельца Люстина, который на свои деньги обучал 12 беднейших

учеников, платил жалование учителю, снабжал школу всеми учебными пособиями. Здание этой школы было лучшим во всем уезде [2, д. 1723, л. 200].

Большинство же сельских школ, особенно в материковых уездах, вызывали массу нареканий. Характерными были жалобы школ на нехватку денежных средств, что приводило к их материальному необустройству. Государство не выделяло пособия из казны на народные школы, сельские общества на школах экономили, а земства лишь начинали подключаться к хозяйственным проблемам сельского населения. Поэтому многие школы в сёлах в начале 70-х гг. походили на постоянные дворы — без ограды, без двора, без зелёных насаждений. Квартиры учителей повсеместно располагались не при школах, а в наёмных домах, классы были тесными, душными, грязными (нередко не имелось даже вёдер и метел для уборки). Классная мебель, чаще всего, находилась в убогом состоянии и не чинилась. Стол и стул для учителя был редкостью [2, д. 1816, л. 363]. Поэтому, по меткому замечанию одного из инспекторов, «...учителя сельских школ олицетворяли героя из русской сказки: голову спрячешь — хвост виден, хвост спрячешь — голова видна» [2, д. 1816, л. 280–282].

Проблемным для всех сельских школ, состоящих в управлении училищных советов, было обеспечение учебными пособиями. Этим должны были заниматься, в первую очередь, сельские общества, бравшие на себя соответствующие обязательства, но часто или их не выполнявшие, или, в лучшем случае, отчислявшие на потребности школ мизерные суммы. Чаще же всего сельские общества отсылали учителей с их просьбами к земствам, а те, вплоть до середины 70-х гг., выделяли на эти цели не более 5 руб. на школу в год (на 5 руб. можно было в то время приобрести всего 15 книг «Родного слова» К. Ушинского) [2, д. 1816, л. 70]. По свидетельству одного из проверяющих сельских школ отсутствие письменных принадлежностей приводило к тому, что нередко на уроке «...перед учеником лежал остаток грифельной доски, вершка 2–3, в руке у него находился обломок грифеля, еле удерживаемый в пальцах» [Там же, л. 70–72]. Часто можно было видеть, как ребенок учиться писать, используя стальное перо без ручки [Там же].

Очень непросто решался в сельских школах и вопрос с учительскими кадрами. До середины 70-х гг. там редко можно было встретить учителей, получивших право на преподавание в народной школе в результате сдачи специального экзамена (как того требовали «Положения» 1864 г.), ещё реже — с образованием, превышающим курс уездного училища [2, д. 1816, л. 67]. Так, из 39 учителей сельских школ Днепровского и Перекопского уездов 10 вообще не имели свидетельства на право обучения в народных школах [Там же, л. 26]. По признанию Бердянского земства до середины 70-х гг. в сельских школах уезда «...учителей по профессии вовсе не было, выбор учителей не всегда

являлся удачным, чаще всего в школах работали те, кто нуждался в куске хлеба» [Там же, л. 378]. В качестве сельских учителей часто выступали бывшие сельские писари, отставные дьячки, местные грамотеи.

Некоторые инспекторы народных училищ предлагали оценивать работу сельских школ по 3 категориям, в зависимости от профессиональных качеств и подготовленности учителей:

1 (лучшая) категория — где учителя не только обладают педагогической подготовкой и знаниями, но и применяют их разумно и усердно в своей работе. Дети с такими учителями обнаруживают хотя бы задатки правильного умственного, религиозного и физического развития;

2 (посредственная) категория — где учителя хоть и имеют некоторые педагогические знания, но недостаточно и часто неправильно применяют их в работе; учащиеся же не обладают набором требуемых знаний и достаточным умственным развитием;

3 (худшая) категория — где учителя и мало знают, и мало делают в педагогическом отношении. Дети вовсе не развиты и почти ничего не знают.

В результате применения такого подхода к оцениванию 32 сельских школ Бердянского уезда оказалось, что в первую категорию попали 9 школ, во вторую — 13, в третью — 11 (то есть треть всех школ) [2, д. 1816, л. 380–382].

Обращает на себя внимание и плохая организация работы сельских школ, управляемых училищными советами. Приём детей в них проводился не одновременно, а несколько раз в году. Начало учебного года в школах не совпадало: где-то в октябре, где-то в ноябре, а где-то и в декабре. По причине разновременного приёма в школу класс приходилось делить на несколько отделений (3–4 и даже больше). На одного учителя в больших сёлах северных материковых уездов часто приходилось при нескольких отделениях по 100 и более учеников, что не позволяло достичь успехов в обучении [2, д. 1816, л. 72].

Бичом всех сельских школ была низкая посещаемость уроков. Главная причина этого крылась в массовом привлечении крестьянами детей к работе по дому и в поле. Инспекторы училищ, земские управы и уездные училищные советы винили в этом родителей и сельские общества. Те, в свою очередь, упрекали земства, открывавшие новые школы, чаще всего, на окраинах сёл, в неудобных, отдалённых от крестьянских домов местах, куда детям приходилось добираться, особенно в грязь и холод, проходя из одного конца села в другой иногда по несколько вёрст. Кроме того, родители часто объясняли пропуски занятий слишком строгим отношением учителей к детям, из-за чего, мол, те обходят стороной школу, или, наоборот, отсутствием в школах порядка, дисциплины, что делало школу похожей на «настоящий базар — шум, драки, самовольное хождение по классу во время уроков» [2, д. 1816, л. 378]. Да и сами инспекторы училищ во время контрольных посещений занятий в сельских

школах часто сталкивались «с рутинной, выражавшейся в утомительном стоянии учеников у доски, в механическом и молчаливом решении задач по арифметике, или диктовках по русскому языку, в котором учителя так же сильны, как и ученики» [2, д. 1816, л. 356].

Не удивляет в связи с этим большое число учащихся, покидавших школу ещё до её окончания. Обычно таких детей в 70-х гг. было в сельских школах значительно больше, чем заканчивавших полный курс обучения. Так, согласно годового отчёта Дирекции училищ Таврической губернии в 1879 году из всех сельских школ выбыли, не закончив учёбы, 2 615 детей, а прошли полный курс и получили об этом документ лишь 518 [2, д. 1816, л. 230, 231].

Несколько лучше обстояли дела у сельских «образцовых» школ, которые открывались в 70-х годах по решению Министерства просвещения в некоторых крупных сёлах и волостных центрах [6, с. 636]. Цель создания «образцовых» школ виделась Министерству в том, чтобы они, во-первых, служили примером для училищных советов и земств, как надо успешно организовывать работу начальных учебных заведений, а во-вторых, демонстрировали крестьянам, какими должны быть настоящие школы и как в них должно быть построено обучение детей. Управление министерскими «образцовыми» школами возлагалось исключительно на инспекторов училищ в обход училищных советов [8, с. 639]. Сельские общества выделяли для этих школ участки земли, заботились об их ремонте, отоплении, освещении. В отличие от школ, находившихся под управлением училищных советов, «образцовые» получали из государственной казны денежные пособия на содержание (от 226 до 1 тыс. руб. в год), полностью обеспечивались учебными пособиями. Количество учащихся в расчёте на одного учителя ограничивалось 60 детьми, учителям Закона Божьего выплачивалось фиксированное жалование [6, с. 636–637].

«Образцовые» школы могли быть как 1-классными, рассчитанными на 3 года обучения, так и 2-классными (3 года первый класс, 2 года второй). Благодаря дополнительному классу в учебные программы 2-классных «образцовых» школ были включены история, география, черчение, пение [2, д. 1719, л. 46]. В Таврической губернии таких «образцовых» школ было открыто семь 2-классных (в селах: Кишлав Феодосийского уезда, Большой Токмак Бердянского уезда, Каховка Днепровского уезда, Акимовка, Михайловка, Великая Лепетиха и Нижние Серагозы Мелитопольского уезда), и две 1-классные (в сёлах Саблы Симферопольского уезда и Михайловка Мелитопольского уезда) [2, д. 1946, л. 56].

Однако, и в «образцовых» школах не всё было благополучно. На их работу также оказывало сильное влияние трудное экономическое положение жителей сёл, вынужденных привлекать своих детей к крестьянскому труду с ранних лет и, поэтому, оставлявших их в школе не более чем на 3 года. Второго

класса достигала обычно лишь 1/4 или даже 1/5–1/6 часть учащихся, а заканчивали полный школьный курс сельской 2-классной «образцовой» школы, в лучшем случае, 5% учащихся [2, д. 1946, л. 56].

Сельские школы Таврической губернии в конце 70-х годов XIX века

Во второй половине 70-х годов положение сельских школ в Таврической губернии стало понемногу улучшаться. Это было связано, прежде всего, с активизацией деятельности земств в области образования. Пособия, выделяемые земствами на содержание начальных народных школ из года в год увеличивались: в 1877 году — 80 261 руб. (из общей суммы 160 459 руб.), в 1879 — 84 162 руб., в 1885 — 125 272 руб. (из общей суммы 201 641 руб.) [2, д. 1816, л. 4, 14, 244; д. 1947, л. 191]. Это давало возможность повышать плату за труд сельских учителей, приближая её средний размер (у мужчин 359 руб., у женщин — 290 руб.) к уровню городских школ (мужчины — 436 руб., женщины — 303 руб.) [2, д. 1816, л. 67; д. 1947, л. 182]. Труд сельского учителя становился более привлекательным, увеличивалось число кандидатов на учительские должности. В конце 70-х гг. в числе учителей 1-классных сельских народных школ появились выпускники учительских семинарий, которые знали специфику своей работы: умели вести занятия одновременно в трёх отделениях, поддерживать дисциплину и внимание детей [2, д. 1816, л. 281]. Благодаря земствам в сельских школах оформлялись библиотеки, которые пополнялись учебной и художественной литературой, комплектами учебных пособий, в том числе таблицами, шведскими счётами, глобусами, образцами мер длины и ёмкости, циркулями, транспортирами [2, д. 1932, л. 24].

Постепенно менялось и отношение крестьян к школе, приходило осознание её пользы и значимости. Всё чаще не земствам и училищным советам приходилось убеждать крестьянское общество завести школу, а, наоборот, крестьянам просить земство оказать им помощь в её открытии.

К 1879 году общее количество школ в сёлах Таврической губернии достигло 232, увеличившись за 10 лет на 112. При этом в северных материковых уездах школ было в 2,7 раза больше, чем в Крымских: в Бердянском — 91, Мелитопольском — 67, Днепровском — 35, Феодосийском — 20, Симферопольском — 6, Ялтинском — 6, Евпаторийском — 5, Перекопском — 2 [2, д. 1816, л. 492–493]. Учились в этих школах более 13,5 тыс. детей, из них около 12 тыс. мальчиков и около 2 тыс. девочек [2, д. 1723, л. 34,40; д. 1816, л. 230]. Велика была разница между отдельными уездами по числу учащихся: более 90 процентов из них (почти 12,5 тыс.) приходилось на северные уезды — Мелитопольский, Бердянский, Днепровский. Меньше же всего учащихся числилось в сельских школах Крымских уездов: в Перекопском — около 80, Ялтинском — немногим более 100, Евпаторийском — около 125,

Симферопольском — 250. Лишь в Феодосийском уезде Крыма в конце 70-х гг. сельские школы посещали более 750 учащихся [2, д. 1816, л. 230].

Таблица 1. Количество сельских школ в Крымском учебном районе и их соотношение с числом сёл и сельского населения уездов в Крыму [2, д. 1816, л. 4, 14, 244; д. 1947, л. 191; д. 1856, л. 23].

Крымский учебный район (уезд)	Кол-во сельских школ	Кол-во учащихся	Соотношение числа школ и числа сел	Соотношение числа учащихся и числа жителей
Симферопольский	6	248	1 : 23	1 : 99
Евпаторийский	5	124	1 : 41	1 : 118
Феодосийский	20	751	1 : 13	1 : 66
Ялтинский	6	105	1 : 7	1 : 153
Всего в 4-х уездах	37	1228	1 : 17	1 : 85

В среднем 1 сельская школа приходилась в Крыму на 17 русских сёл, а один учащийся сельской школы на 85 жителей сел. По подсчётам представителя Министерства просвещения во всей Таврической губернии в конце 70-х гг. XIX века сельские русскоязычные школы посещали лишь 25 процентов детей школьного возраста, а остальные три четверти детей не были охвачены школьным обучением [2, д. 1816, л. 280]. В последней четверти XIX века работа в этом направлении станет одной из главных задач центральных и местных властей, в том числе земств Таврической губернии.

Заключение

Демократические преобразования 60-х гг. XIX века в области просвещения нашли своё воплощение в появлении в Таврической губернии сельских школ нового типа — начальных народных училищ, учреждённых Положениями от 14 июля 1864 года. В процесс создания сельских школ были вовлечены многие управляющие и контролирующие структуры, уездные земства, сельские общества. Их усилия часто наталкивались на трудности экономического и социального характера, которые замедляли темпы и сокращали масштабы процесса. Сами сельские школы испытывали значительные материальные затруднения, страдали от нехватки профессионально-подготовленных учителей, от непонимания частью сельского населения значения и роли школы в жизни общества. Однако процесс создания сельских школ постепенно ускорялся и к концу 70-х гг. их число достигло 232. Эти показатели не могли удовлетворить потребности, так как в конце 70-х гг. в сельских школах губернии училась лишь четвертая часть детей школьного возраста. Тем не менее опыт создания сельских школ,

накопленный в Таврической губернии за полтора десятка пореформенных лет, дал возможность (главным образом земствам) развернуть в последней четверти XIX века масштабную работу в этом направлении на более высоком уровне и более быстрыми темпами.

Источники и литература

1. Бойко, В. Я. Заселение Южной Украины 1860–1890 гг. Черкассы: Сіач, 1993. 256 с.
2. Государственный Архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 100 (Дирекция училищ Таврической губернии). Оп. 1, дд. 851, 1024, 1382, 1403, 1530, 1682, 1719, 1723, 1816, 1856, 1932, 1946, 1947, 1975, 2047.
3. Громова, Н. Ф. Образование и наука в Крыму (конец XVIII–начало XXI в.) // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ЧерноморПресс; Феодосия: Коктебель, 2010. С. 343–370.
4. Громова, Н. Ф. Сельские школы Таврической губернии в дореформенный период // Гуманитарная парадигма. 2018. № 3 (6). С. 48–62.
5. Константинов, Н. А., Струминский, В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1953. 272 с.
6. Об учреждении инспекторов народных училищ, открытии образцовых училищ и других мерах к развитию начального образования // Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: в 3 т. / Ред.-сост. Э. Д. Днепров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. С. 636–637.
7. Положения о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39. № 41068. Отделение 1. СПб.: Тип. Второго отд. Собственной Его Имп. Велич. Канцелярии. 1867. С. 614–617.
8. Российское законодательство об образовании XIX – начала XXв.: сб. док.: в 3 т. / Ред.-сост. Э. Д. Днепров; Нац. исслед. ун-т «ВШЭ». М.: ИД ВШЭ. 2017. Т. 1. 832 с.
9. Россия: Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского]. Репринт. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.
10. Секиринский, С. А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII – нач. XX века) // Вестник: Информационно-методический бюллетень. Симферополь. 1990. Вып. 3. С. 19–45.
11. Хлебодаров, С. А. Законодательные основы деятельности земства в области начального образования (1864–1914 гг.) // Вектор науки Тольятинского гос. ун-та. № 7 (10). 2010. С. 46–49.

~